

Ольга Бородина блистает в Лондонской опере...

Александр ШАЛЬНЕВ, «Известия». — 1994. — ФОРТ. — С. 7

Ольга Бородина, солистка Мариинки, только что дебютировала на сцене Королевского оперного театра «Ковент-гарден» в «Золушке» Россини и снискала поистине восторженные отзывы профессиональных критиков и ценителей оперного искусства.

Она могла бы, наверное, уйти от ответа на мой вопрос: «Есть ли Золушка лучшая, чем вы?», — заговорить о чем-нибудь другом или заторопиться к «запевшему» чайнику на кухню своей почти что хрущевской квартиры, которую сдал ей театр на две недели выступлений в Лондоне.

Не ушла, не заторопилась, а показала диск с записью «Золушки» в исполнении Терезы Берганцы.

Но, собственно, героиней одной из лучших опер Россини, которую, кстати, в стране нашей и не ставили, если не считать концертных исполнений, Ольга стала только сейчас. А на репетиции перед премьерой в «Ковент-гарден» дано было всего три недели.

В партии Ангелины в «Золушке» Бородина подтвердила репутацию, которую завоевала самым первым выступлением на сцене Королевской оперы, три

года назад, в «Самсоне и Далиле», когда довелось ей петь с ее кумиром — Пласидо Доминго. Тогда, напоминают сейчас лондонские газеты, Бородина чуть было не затмила великого испанца.

— Правда, что ли? Почти затмили?

— Ну, прямо...

А вот к Паваротти отношение у Бородиной другое. Не трогает ее его пение. «Он мне кажется машиной, — замечает Ольга, — которая просто извлекает гениальные звуки. Не идет у него голос через сердце, через душу, как у Доминго...».

В репертуаре Бородиной почти нет героинь Верди. «Певец умный, — объясняет она, — знает, что нужно делать в данный момент, не станет слишком насильствовать свой голос. Партии Верди пока не для меня, не для моего голоса. Когда-нибудь, конечно, я обращусь и к ним, но не сейчас».

— У Доминго карьера уже давным-давно сделана. Сейчас он может позволить себе петь практически все, что захочет. У меня же пока — все только впереди.

В ближайшей перспективе у Бородиной — Кармен, сначала на родной сцене в Мариинском, в следующем году, а годом позже — в нью-йоркском Метрополитен-опера. Есть и мечта — спеть когда-нибудь Деэдмоу в «Отелло».

— А та роль, которая в вашем исполнении поразила три года назад лондонских критиков и слушателей, — роль в «Самсоне и Далиле»? Есть ли возможность, что эта опера, которая, если не ошибаюсь, в наших театрах — гость невиданный, будет поставлена в Мариинском, специально для вас?

— Не уверена. Нет денег на декорации. И нет Самсона. С тенорами проблема.

Но жизнью своей в России Бородина довольна. «Я не могу обижаться». И покидать Россию, обосноваться, например, в Европе, как Мария Гулегина, или за океаном, как Владимир Чернов, не хочет. «Всегда буду жить дома», — говорит она.

ЛОНДОН: